

всегда живо, всегда наполнять душу? Может ли заменить все другие удовольствия?» (с. 112).

Это суждение о книге Руссо, которое произносит героиня повести, непосредственно соотносится и с высказыванием путешественника о «Новой Элоизе», и, разумеется, с оценкой самого Карамзина. В то же время разговор о «Новой Элоизе» — средство характеристики героев повести, ключ к пониманию образа карамзинской Юлии — героини не столь идеальной, как Юлия Руссо, по воплощающей представление автора о психологической достоверности характера.

Соотнося приведенные примеры, можно проследить, как прочитанная книга трансформируется в сознании писателя. Свидетельство в «Письмах» о чтении «Элоизы» вместе с друзьями — важный биографический факт, указывающий на то, что Карамзин познакомился с романом Руссо еще до путешествия. Время совместного чтения книги вместе с друзьями, т. е., очевидно, в семье Плещеевых во второй половине 1780-х гг., — период восторженного отношения к Руссо Карамзина-читателя. Паломничество к местам, описанным в «Новой Элоизе», прогулка с книгой в руках и перечитывание отрывков из нее — это как бы переломный момент в восприятии Руссо, это биографический факт и вместе сюжет одного из «Писем русского путешественника». Критическое переосмысление романа Руссо и созданных им образов становится, наконец, творческим импульсом при создании оригинальной повести Карамзина «Юлия».

Постоянно споря и с Руссо-писателем, и с Руссо-публицистом, Карамзин неизменно возвращается к нему. В статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России» (1802) обращение к Руссо расценивается как свидетельство наиболее развитого читательского вкуса. «Как скоро между автором и читателем велико расстояние, — писал Карамзин, — то первый не может сильно действовать на последнего, как бы он умен ни был. Надобно всякому что-нибудь поближе: одному Жан-Жака, другому „Никанора“ <...> Вкус нравственный открывает человеку верную аналогию предмета с его душою; но сия душа может возвыситься постепенно — и кто начинает „Злосчастливым дворянином“, нередко доходит до „Новой Элоизы“». ⁶³ Авантюрный роман «Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина» (СПб., 1775, ч. 1; М., 1787—1789, ч. 1—3) противопоставляется роману Руссо, и это сопоставление как бы обозначает крайние точки на шкале, измеряющей степень развитости читателя. Мысль о возможности сближения этих точек, высказанную Карамзиным в журнальном тексте статьи, впоследствии, очевидно, писатель подверг сомнению. В более поздней публикации последняя фраза приведенной цитаты была изменена следующим образом: «...и кто начинает „Злосчастливым дворянином“, нередко доходит до Грандисона» (II, 179).

⁶³ Вестник Европы, 1802, ч. 3, май, № 9, с. 60.